

Любовь Федоровна Воронкова

Командир звёздочки

Сегодня праздник

Таня проснулась и сразу вспомнила, что сегодня праздник.

Утро было серенькое, холодное, моросил дождик. Чёрная ветка берёзы с одним только жёлтым листиком качалась за окном...

И всё-таки сегодня был праздник. На календаре красовалась красная цифра «7» и красными буквами было написано «Ноябрь».

В избе пахло тёплыми лепёшками и шумел самовар.

Таня вскочила с постели, сразу оделась.

– Чуть праздник не проспала, – сказала мать, – смотри, на часах-то сколько!

– Погода такая, что только спать, – сказала бабушка.

– Что ты, бабушка! – возразила Таня. – Как же спать? Скоро в школу идти! Нам сегодня октябрятские звёздочки будут давать!

– Да, уж по такому-то дождю...

– Ничего, – сказала мать, – не сахарная, не размокнет!

Таня ничего не сказала на это. Она подошла к часам-ходикам, которые висели на стене, и стала смотреть, который час. А чтобы получше разобраться, она влезла на стул. Большая стрелка стоит на цифре шесть – значит, половина какого-то часа. А маленькая – на пути от цифры девять к цифре десять...

– Половина десятого! – закричала Таня. – Половина десятого! А как будет одиннадцать – нам в школу идти!

Мать надела голубую кофточку, поставила самовар на стол, собрала чашки. Ей сегодня в риге не работать, лён не мять, потому что праздник.

Бабушка достала из печи лепёшки с творогом. Большие лепёшки, с тарелку. Корочки на них зарумянились, а творог пожелтел, будто помазанный мёдом.

– И чего это дед не идёт так долго! – сказала бабушка. – Самовар заглохнет, лепёшки остынут.

Не успела она сказать, а дед уж тут как тут, на пороге.

– Ну и погодка для праздника, – проворчал он и стал раздеваться.

Дед снял стёганку, стряхнул дождик с шапки.

– Дедушка, – сказала Таня, – ведь сегодня праздник. Мама на работу не пошла, а ты всё равно пошёл!

– Эх ты, умная головушка! – ответил дед. – Лён в риге и до завтра подождёт, ничего ему не сделается. А коров разве можно не евши оставить? Мы с тобой будем праздновать, а они с голоду заревут.

– Нет, – поспешно сказала Таня, – пускай они тоже поедят!

– И лошади также, – продолжал дед, – они реветь не будут, промолчат. Но ведь и молча не сладко голодным стоять, им завтра работать!

– Нет, нет, дедушка, их тоже надо покормить! – закричала Таня.

– Ну вот, то-то, – сказал дед.

Он вымыл руки и сел к столу. Таня уселась с ним рядом. И, пока мать наливала всем чай с молоком, а бабушка подавала лепёшки, Таня смотрела в окно.

Серый дождик моросил и моросил. Качались мокрые берёзовые ветки. Куры попрятались под дровяной навес и не вылезали оттуда. Даже весёлый, озорной Снежок приуныл. Он сидел на крыльце и смотрел в окно жалобными глазами.

– Бабушка, давай Снежка в избу пустим, – попросила Таня. – Ему там скучно!

– Как не пустить! – ответила бабушка. – Сейчас тут по чистому полу мокрыми лапами налапает. Собачье дело на улице сидеть, дом сторожить. А в избе – это дело кошачье, ловить мышей. Каждому своё.

– Да ему Михей сразу глаза выцарапает! – сказала мать. – Разве он собаку в избу пустит?

А серый кот Михей уже влез к Тане на стул и толкал её лбом под локоть – чего ж она ему лепёшки не даёт?

Вдруг где-то далеко, на краю деревни, заиграла гармонь. Зазвенела, рассыпалась золотыми бубенчиками весёлая музыка, заглушила шум дождя.

Дедушка улыбнулся, вспомнил, как был молодой, как ходил по деревне с гармонью...

Бабушка вздохнула: когда-то и она была молодая, любила поплясать под гармонь...

У матери заблестели глаза. Так бы и выбежала она сейчас на улицу, пошла бы рядом с гармонистом и запела бы во весь голос песню!

А Таня схватила платок, выскочила на крыльцо – где играют?

Играли возле клуба, под густой сосной. Над крыльцом клуба висел хоть и намокший, но всё равно яркий красный флаг.

И Тане стало очень весело. Хоть и льётся дождь, хоть и качаются ветки и скучает Снежок на крыльце, а всё-таки сегодня праздник! Самый большой праздник на всей большой советской земле!

Звёздочка

Да, праздник сегодня был очень большой – годовщина Октябрьской революции! Ребята-школьники не побоялись дождя, они сходили в лес и принесли оттуда еловых веток, зелёного брусничника и красных осиновых листьев. А потом вместе с учительницей украсили всю школу.

Таня пришла в школу нарядная. Мать надела ей новый белый фартук, в косички вплела белые ленты. Только галоши у неё очень загрязнились дорогой, и даже на башмаки грязь попала. Это бестолковый Снежок ей удружил. Увязался провожать до школы и всю дорогу шлёпал по лужам, брызгался грязью. Но галоши Таня сняла, а башмаки вытерла тряпкой.

– Вот какая аккуратная, – сказала уборщица тётя Ньюша, – настоящий октябрёнок, только звёздочки нету!

– А сегодня и звёздочка будет! – весело ответила Таня.

Алёнка сегодня тоже и оделась и причесалась очень старательно. Волосы у неё были очень густые и всегда торчали в разные стороны. Ну, уж сегодня-то она им воли не дала – заплела туго-претуго две косы. Только у неё не было одинаковых лент, и она в одну косу вплела белую ленту, а в другую – красную. А мать в это время возилась с пирогами у печки и не видела, как собралась Алёнка.

Ребятишки увидели, что у неё в косах разные ленты, и начали смеяться:

– А ты ещё на макушке синий бантик завяжи!

Алёнка рассердилась, нахмурилась и уже хотела было заплакать, но тут подошла к ним пионерка из пятого класса, Ариша Родионова.

Ариша была живая, расторопная девочка и очень любила маленьких ребятишек.

– Что случилось у ребят, что ребята говорят? – весело спросила она.

А когда увидела Алёнкины банты, то и сама засмеялась.

– Эх, ты, – сказала она, – если у тебя только одна белая лента, так и косу заплети одну!

Ариша быстро расплела Алёнкины косы, из двух кос сделала одну и завязала белым бантом. Бант получился очень красивый, и над Алёнкой больше никто не смеялся.

Да и все ребятишки были сегодня нарядные. Только один Гришка Чайников пришёл, как всегда, неумытый, непричёсанный, с оторванной пуговицей у ворота. Строгий санитар Митя Колечкин подошёл к нему и сердито сказал:

– А ты почему не умылся?

– Тебя не спросился! – ответил Гришка.

– А пуговицу не мог пришить?

– Забыл тебя спросить!

Митя не знал, что ему делать. Может, взять да и прогнать Гришку домой?

А Чайников показал Мите язык и отбежал подальше.

– Завтра получишь! – крикнул Митя и показал кулак.

– Это кто же получит? – поспешно спросила Ариша. – Разве октябрюта дерутся? Эх, вы! А ещё звёздочки пришли получать!

– Это он Грише грозился! – закричали кругом ребята. – Гриша неумытый пришёл!

Ариша подошла к Чайникову, поглядела на него и всплеснула руками.

– Ой, Гришенька! Что ж ты такой не праздничный в школу на праздник пришёл? Что же мать тебе чистой рубашки не дала?

– А её дома нету, – сказал Гриша насупясь.

– А где же она?

– Пошла к Мироновым. У них свадьба.

– Ну, а отец-то?

– Отец ночью со стройки пришёл, спит ещё.

– Что с тобой разговаривать! – сказала Ариша и закинула за плечи свои толстые косы. – Пойдём-ка, я тебя умою. Пора и самому о себе заботиться.

Она взяла Гришу за руку и увела в умывальную.

Скоро собрались все ребята – и старшие и младшие.

Учительницы тоже пришли. В широком коридоре стало шумно, тесно. Вернулся из умывальной и Гриша Чайников, умытый, с приглаженными волосами. А пуговицы Ариша не нашла, застегнула ему ворот булавкой.

Вдруг заиграл-запел пионерский горн. Горнист Саша Грачёв высоко поднял маленькую блестящую трубу, он горнил звонко и весело и изо всех сил надувал свои красные щёки.

Пионеры быстро построились в линейку. А октябрют поставили напротив пионерской линейки, у стены, под самым портретом Ленина.

Алёнка схватила Таню за руку, словно испугалась чего-то. У Тани и у самой слегка замерло сердце, только не от страха, а от волнения.

Начинается!

Снова заиграл горн, залился звонким голосом. На середину вышел председатель совета дружины Серёжа Зеленин.

И – странное дело! Разве не знали ребята Серёжу Зеленина? Сколько раз ходили с ним рыбу ловить, и сено вместе сгребали, и в снежки зимой играли. И даже дразнили: «Сергунок-Моргунок», потому что когда Серёжа из-за чего-нибудь рассердится, то начинает часто-часто моргать глазами.

А вот сейчас, когда он стоит перед ними в белой наглаженной рубашке с красным галстуком на груди, такой весь подтянутый, строгий, ребята даже немного оробели.

– Начинаем праздник октябрют, наших младших товарищей! – громко сказал Серёжа и посмотрел на первоклассников. – Сегодня у нас торжественный день – октябрюта получают свою красную звёздочку!

Таня поспешно расправила фартук на груди – приготовила место для звёздочки. Щёки у неё

разрумянились от волнения.

– Только прежде чем приколоть вам, ребята, звёздочки, – продолжал Серёжа, – мы хотим услышать: знаете ли вы свои октябратские правила?

Ну, ещё бы не знать! Октябратские правила, написанные крупными буквами на белых листах, уже давно висят у них в классе. А кроме того, последнюю неделю ребята-пионеры каждый день занимались с младшими ребяташками, объясняли им эти правила, готовили будущих октябрат к торжественному дню.

Но хотя и знали ребяташки свои октябратские правила, однако все молчали, переминались с ноги на ногу, поглядывали друг на друга.

Тут к ним подошла Настя Кузнецова. Насте совет дружины поручил руководить всей группой октябрат, всем первым классом.

Она подошла к ребяташкам, сама вся розовая от волнения, с новеньким красным галстуком на шее, с пионерским значком на груди.

– Ну, что же вы? Начинайте! Ведь вы же знаете...

– Знаем! – крикнул бойкий Митя Колечкин.

– Знаем, – негромко повторила Таня. И начала: – Октябраты – будущие...

– Пионеры! – дружно подхватили ребята.

Тане стало весело. Она хорошо знала правила.

– Октябраты – прилежные ребята, хорошо учатся, любят школу, уважают старших!

Хор получался нестройный: кто забегал вперёд, кто отставал. Но все старались выкрикивать слова как можно громче:

– Только тех, кто любит труд,

Октябраты зовут!

Октябраты —

Честные, правдивые ребята!

Таня так старалась, что при каждом слове кивала головой. Алёнка тоже развеселилась и отпустила Танину руку, за которую всё время крепко держалась.

– Октябраты – дружные ребята,

Читают и рисуют, играют и поют,

Весело живут!

И только Гришка Чайников не запомнил слов, а гудел себе что-то под нос, как шмель.

Когда ребята кончили, все пионеры, все школьники, все учителя захлопали в ладоши. Снова заиграл горн, барабанщики ударили в барабаны.

Из линейки вышли пионеры – вожатые звёздочек – и стали рядом с Настей. Среди них, конечно, была и Ариша Родионова.

– Пионеры, прикрепите октябрятам звёздочки! – сказала Настя.

Вожатые подошли к ребятишкам и прикололи каждому на грудь красную пятиконечную октябрятскую звёздочку.

А горн всё трубил, и барабаны били. И октябрята стояли притихшие, со звёздочками на груди.

Когда замолчал горн и барабаны утихли, Серёжа Зеленин сказал:

– Поздравляю вас, октябрята! Не забывайте своих правил, выполняйте их. Берегите свои октябрятские звёздочки, носите их с честью! Ведите себя так, чтобы мы потом могли сказать: эти октябрята достойны стать пионерами!

И все пионеры подхватили:

– Поздравляем вас, ребята-октябрята! Поздравляем! Поздравляем!

Тут же пионеры стали раздавать октябрятам подарки: мешочки с гостинцами. Мешочки были разноцветные – и синие, и красные, и зелёные. Тане достался красный мешочек с белыми цветочками. Она заглянула в мешочек – там тихонько светилась серебряная обёртка маленькой шоколадки, торчали острые уголки конфет. А на самом дне виднелся яркий оранжевый мандарин! Таня поскорее закрыла мешочек. Вот придёт домой, тогда и достанет свои гостинцы и всех угостит: и мать, и бабушку, и дедушку.

Но Алёнка не утерпела, развернула шоколадку.

– Я только шоколадку, – сказала она Тане, – а конфеток и Дёмке дам.

А Гришка Чайников как принялся, так тут же и съел свои гостинцы. Кому же он понесёт, если дома всё равно никого нету?

Но вот что случилось, когда октябрята стали разбиваться на звёздочки. Все спрашивали друг у друга:

– Ты с кем?

– А ты с кем?

Таня и Алёнка опять схватились за руки. Митя Колечкин подошёл к ним:

– Я с вами, ладно?

– Нет, не с нами, – ответила Алёнка, – ты споришь всегда.

– А ты не споришь?

– Вот ещё Федю Валькова возьмите, – сказала Ариша.

Федя – толстый, ленивый и всегда молчит. Его, ещё когда он был совсем маленьким,

прозвали Колобком.

– Настоящий Колобок на сметане мешён, – сказала Алёнка, – куда его.

– Ладно, – сказала Таня Арише и взяла Федю за руку, – ну и что ж такого, что Колобок!

Понемножку все ребята разделились на звёздочки. Только Гришу Чайникова никто не взял в свою звёздочку.

– На что он нам! – сказал Сеня Солонцов. – Он в клубе стекло разбил.

– А нам на что? – сказала Груша Горелова. – Он дерётся!

– Ну, а как же быть Грише Чайникову, ребята? – сказала тогда Настя Кузнецова, и карие глаза её стали очень грустными. – Неужели ему одному оставаться?

А белобрысый Гришка стоял, опустив вихрастую голову, и разглядывал пряжку на своём ремне. Красные уши его торчали, рубаха на спине вздулась пузырьём, руки были в чернилах – кому нужен такой октябрёнок?

Тане стало очень жалко Гришку Чайникова.

– Мы его возьмём! – сказала она.

Алёнка дёрнула её за рукав.

Митя сердито насупился:

– Вот ещё! С нас и Колобка-Кабанка довольно.

Но Настя обрадовалась.

– Вот и правильно, – сказала она, – у звёздочки – пять лучей, в звёздочке – пять человек. Вот Гриша и будет у вас пятым. И вожатая у вас будет хорошая – Аришу Родионову вам дадим.

Таня и Алёнка радостно закричали:

– Аришу к нам! Аришу к нам!

И тут же уцепились за Аришин фартук. Ариша засмеялась:

– Смотрите оборки мне не оторвите!

А потом собрала в кружок всю свою звёздочку:

– Ну, октябрята, дружные ребята, теперь со всякими ссорами и драками у нас покончено. И Гриша Чайников теперь драться не будет. И рогатку свою закинет. Правда, Гриша, ведь закинешь?

– Закину, – пробурчал Гриша.

Он выпустил ремень из рук, поднял голову и сверкнул на ребят озорными глазами:

– Ага! Вот и я в звёздочке!

Заботы командира

В этот вечер Таниным рассказам не было конца. Обо всём рассказала: и как им звёздочки прикололи и как они потом читали разные стихи и пели песенки. А самая главная новость была вот такая: Таню выбрали командиром звёздочки.

– Это Ариша придумала, – рассказывала Таня. – Она нам сказала: «А знаете что, ребятки, давайте выберем командира звёздочки. Я ведь не всегда с вами: у меня уроков много». Мы говорим: «Давайте выберем!» А тогда Ариша говорит: «Кто же у вас будет командир?» Я хотела сказать: «Митя!» А тут Алёнка говорит: «Таня!» И Гриша Чайников вдруг пробурчал: «Пускай Таня!» Тогда Ариша сказала: «Вот и хорошо. Пускай командиром у вас будет Таня!»

– Значит, ты теперь у нас большой начальник, – сказал дед. – Я вот до старости дожил, а командиром никогда не был. А ты уже и командир. Вот дела-то!

Мать и бабушка засмеялись.

– А ты тоже командир. Над лошадьми, – сказала бабушка. – Мало тебе, что ли?

– Ты не шути, – ответил дед, – хоть я и старший на скотном, а всего лишь заведующий. Ну и бригадиром был. А вот командиром – нет, не был.

– Дедушка, а может, ты забыл? – сказала Таня. – Может, когда был ты октябрёнком, так тоже тебя выбирали.

Тут снова все засмеялись – и мать, и дед, и бабушка. Наверное, смешно им показалось, что их дедушка – и вдруг октябрёнок!

– Эх, ты! – сказал дед Тане. – Да разве я был когда октябрёнком-то? Тогда таких и слов на свете не было!

– Пастушонком он был в твои годы, – вздохнула бабушка, – даже и в школу-то ему ходить было некогда, свиней у барина пас. Одна свинья, огромная, чуть не сожрала своего пастуха, спасибо, люди увидели, отбили. Вот каким он октябрёнком был!

– Ой, дедушка! – Таня подбежала к деду, обняла его за морщинистую шею, будто хотела защитить его от той страшной свиньи. – Что же ты не убежал тогда?

– А куда же пастуху от стада бежать? У барина жил, не своя воля. Нанялся, так паси.

– Какое же это тяжёлое время было, – сказала мать. – Таких-то ребятишек на работу посылали?

– Так и посылали, – ответил дед. – Земли мало, семья большая, хлеба не хватает...

– Ну, а барин-то как же таких маленьких на работу брал?

Дед невесело усмехнулся:

– А барину что? Мужика найми, так ему платить надо. А мальчишку накормят – он и этим доволен. У барина свои расчёты были.

– Расчёты-то были, да сердца не было! – сказала бабушка. – Ох, вспомнили для праздника, будто страшный сон какой... Включи-ка, Танюшка, радио!

Таня подошла к радиоприёмнику, повернула рычажок и впустила в избу песню. Хорошая, боевая была песня о том, как воевали за революцию, как «по долинам и по взгорьям шла дивизия вперёд...».

Мать отложила книгу, которую читала, и стала слушать.

– Люблю эту песню, – сказала она.

А Таня потрогала свою красную звёздочку, приколотую на груди. И снова вспомнила, что было сегодня в школе и как славно они выкрикивали: «Только тех, кто любит труд, октябрятами зовут!»

– А над кем же ты командиром-то поставлена? – снова начал дедушка.

Ему, видно, очень нравилось, что Таню выбрали командиром.

– Ну, Алёнка. Потом Митя Колечкин у нас, – ответила Таня, – Федя Вальков. А ещё Гришка Чайников...

– Кто? – вмешалась бабушка. – Такой-то неслух?

– И такой он всегда неумытый, нечёсанный, – сказала мать.

– Ну, а вот это уж не он виноват, – сказал дедушка. – Значит, мать за ним плохо смотрит.

– А когда матери за ним смотреть? – проворчала бабушка. – Ей только по соседям ходить, судить-пересуживать, а то в клубе плясать.

– Всё так, – согласился дедушка, – и повеселиться человеку хочется, и к соседям сходить. Но и за сыном тоже глядеть надо.

– А Вальков Федя ленивый очень, – задумчиво сказала Таня. – Ему и слово-то сказать лень. А Митя очень сердитый. Как чуть – так и спорит, кричит.

– Да, не просто в такой роте командиром быть, – посочувствовал ей дедушка. – Ну, да если ты настоящий командир, то справишься! То и хорошо, что трудно. А где легко, там и всякий командовать может!

Чего не ожидала Таня

Учительница Марья Васильевна задала уроки на дом. Надо решить задачку: «У Маши было пять пуговиц. К пальто она пришила две пуговицы. Сколько пуговиц осталось у Маши?»

Таня уселась за стол, открыла тетрадку, приготовила перо. И задумалась. Надо сначала сосчитать, а то вдруг ошибёшься.

– Ты сначала на плохонькой бумажке решай, – подсказала ей бабушка, – а то в прошлый раз вон как чистую тетрадку испачкала.

Таня провела ладонью по белой гладкой странице с голубыми клеточками. Конечно, жалко пачкать.

Бабушка дала ей белую обёртку от сахара. Вот на этой не жалко: если не так напишешь, можно зачеркнуть.

– У Маши было пять пуговиц, а пришила она только две. Значит, от пяти надо отнять две пуговицы. Правда, бабушка?

– Правда.

– А если от пяти отнять две...

Пришлось посмотреть на свои пальцы. Вот у неё на руке пять пальцев. А если один загнуть да ещё один загнуть...

– Три, бабушка!

– Верно. Только что же это ты по пальцам считаешь? Возьми свои палочки да считай.

– Бабушка, а я книжку с картинками принесла! – вдруг вспомнила Таня. – Про Снегурочку!

И так ей захотелось поскорей раскрыть эту книжку, рассмотреть картинки и тут же прочесть! Такая, видно, сказка интересная! Обложка вся раскрашенная, на ней нарисована избушка с пёстрыми ставенками, на завалинке сидят дед и баба. А перед ними на снежной полянке девочка в белой шубке и в белой шапочке.

– Ты что там притихла? – спросила бабушка из кухни. – Всё решила?

– Нет ещё. Только примеры остались да по русскому... Бабушка, ты погляди! – Таня взяла книгу и пошла к бабушке. – Значит, это и есть Снегурочка?

Но бабушка даже и не посмотрела на книгу.

– Ни про каких Снегурочек и говорить не буду, – сказала она, – пока все свои примеры не решишь и начисто не перепишешь.

Таня читала очень хорошо. А вот считать и писать не любила. Не так уж трудно решить все эти задачки и примеры. Но вот начисто переписать... Пока-то все эти цифры поставишь! Да ещё надо так поставить, чтобы они ровно стояли, набок не валились, и чтобы они все одинакового роста были, да ещё чтобы ни одной кляксы не получилось. А ведь чернила-то жидкие, они так и бегут с пера!

– Ну-ну, не ленись, – сказала бабушка, – тебе теперь лениться никак нельзя: ты ведь командир, а на командира вся звёздочка смотрит!

Таня вздохнула, отложила книгу и снова уселась за уроки. Ну, уж она-то свою звёздочку не подведёт!

Таня и задачку, и все примеры решила правильно. Переписала чисто и ни одной кляксы не поставила. Теперь и погулять можно. Но подошла к окну, посмотрела, а там седые тучи висят чуть не до земли, по крышам волочатся. Берёзы шумят под ветром, все свои длинные ветки вытянули в одну сторону, будто руки протянули и просят о чём-то. Может, это они ветер упрашивают, чтобы не ломал им сучьев?

И Снежка не видно. Наверное, забился под крыльцо и сидит там. Ну, какое уж гулянье по такой погоде!

«А сказка-то!» – вспомнила Таня.

Она уселась в уголок около окна и принялась читать сказку про Снегурочку.

– Тучи снеговые идут, – сказала бабушка. – Плохо человеку в такую погоду в пути.

– А дома хорошо! Правда, бабушка?

– Куда лучше!

Мать и дедушка пришли с работы. Они ещё и раздеться не успели, а уж Таня к ним со своими тетрадками. Задачку решила, все примеры сделала, по русскому урок выполнила и вот как чисто всё написала, ни одной кляксы не посадила!

Мать обрадовалась, что Таня так хорошо сделала уроки, улыбнулась и сказала:

– Молодец!

Но дедушка крякнул, покачал головой:

– Молодец-то молодец! А вот как твои ребята-октябрюта? Они-то всё ли хорошо сделали?

– А что ж ей теперь, за всех ребят решать? – вмешалась бабушка. – Пускай сами заботятся!

Но дед не сдавался:

– Так-то оно так. Да ведь о командире по солдатам судят.

Таня огорчилась. Вот какой дедушка, никак ему не угодишь! Но и призадумалась. Надо, чтобы все в звёздочке хорошо учились, чтобы все хорошо делали уроки. А разве Гриша Чайников сделает хорошо? Наверно, уж и тетрадку всю загрязнил и чернилами закапал. Вожатая Ариша посмотрит на его тетрадки и скажет:

«Плохо ты, командир, о своей звёздочке заботишься!»

Таня взяла было «Снегурочку», полистала, посмотрела картинки. Но вскоре отложила книгу и стала одеваться.

– Куда это ты на ночь глядя? – прикрикнула бабушка. – На улице грязь, холод!

– К Чайниковым схожу.

– А всё ты, старый! – забранилась бабушка на деда. – Как ребята да как октябрюта! Нагнал заботу на человека!

Дед молчал. И мать молчала. Она только сказала Тане:

– Покройся получше.

В избе было тепло. Над столом ярко горела лампа. Танина постель приветливо выглядывала из-за белой печки. Раскрытая книга с картинками лежала на столе. Но что ж поделаешь! Надо идти. А то этот Чайников опять забудет решить примеры или перепутает что-нибудь – такой он рассеянный!

Таня закуталась платком и вышла на улицу. Шагнула раза два от крыльца и попала в лужу. Снежок подал голос из своей конуры, словно спросил, вылезать ему или не вылезать.

– Сиди, сиди там, – ответила Таня, – только грязью будешь брызгаться!

Но Снежок не мог утерпеть. Таня уходит куда-то, а он будет дома сидеть? Снежок вылез из конуры, отряхнулся и побежал за Таней.

Вечер был ненастный. Чёрные тучи почти лежали на крышах, фонари на столбах качались от ветра, лужи то и дело хлюпали под ногами. А Чайниковы живут вон где, за клубом, почти на краю деревни!

Таня поплотней закуталась платком и побежала, Снежок припустился за ней. Таня старалась идти где посуше, а Снежок так и шлёпал по всем лужам.

В клубе во всех окнах горел свет, играла гармонь. Может, этот Чайников тоже в клуб забрался и сидит там, смотрит, как пляшут. С него станется!

Но Гришка был дома. Он открыл дверь и спросил:

– Мамка, это ты?

Таня засмеялась:

– Какая я тебе мамка!

Гришка очень удивился, что Таня пришла к нему. Он молча смотрел на неё и ждал, что она скажет. В избе было очень тихо. На столе стояла кринка с молоком и лежал надкусанный ломоть хлеба. Где-то за печкой свистел сверчок.

– Ты что, один?

Гришка кивнул вихрастой головой:

– Ага!

– А мать где же?

– Она к тётке Наталье пошла, к соседке. Там поросёнка зарезали. Мать свинину жареную любит, вот и пошла.

– А отец?

– Отец на ремонтной станции. Ночует там.

– А ты чего?

– А чего я? Поужинаю да спать лягу.

Тане стало жалко Гришку. Всё он один да один. Отец на работе, а мать любит по соседям ходить. Пойдёт туда, где семья большая, где народу много. Сидит там и разговаривает о том о сём. Только и знает – с работы в гости, а своего дома будто и нет у неё! Вот так и выходит, что за Гришей присмотреть некому.

– Ты задачку решил? Примеры сделал? – спросила Таня.

– А то нет, – ответил Гришка.

– А по русскому написал? Покажи тетрадку.

– А ты что, учительница?

– Давай показывай. Ещё будешь нашу звёздочку подводить!

Гриша услышал про звёздочку и сейчас же достал из сумки свою тетрадь. Он и в самом деле решил задачку и примеры сделал. А по русскому всё написал правильно. Только грязно написал, с помарками. А кроме того, по голубым линейкам расплзлось водяное пятно.

– Вода из кружки пролилась, – угрюмо объяснил Гришка, – локтем задел, кружка и опрокинулась.

– А когда садишься уроки делать, надо, чтобы на столе чисто было, – сказала Таня. – И никакие кружки не стояли бы. Сначала со стола убери, стол тряпкой вытри, а потом и за уроки

садись. Марья Васильевна что говорила? А у тебя вон и хлеб, и крошки, и тут же чернила. Ещё как ты кринку с молоком на свою тетрадку не опрокинул?

– А я и кринку опрокинул, – отвернувшись, проворчал Гриша. – Стол покачнулся – она и опрокинулась. Только на тетрадку не попало.

Таня хотела ещё побранить его, да не стала. Уроки сделал – и то хорошо. Она покрепче прихватила платок, хотела идти. Но посмотрела на вихрастый Гришин затылок и сказала:

– Когда же тебя мать пострижёт? Скажи, чтобы постригла. Во всём классе только ты один такой!

Таня вышла, оглянулась: а где же Снежок? Но Снежка уже и след простыл, убежал в свою тёплую конуру.

Таня шла обратно домой и думала, до чего же хорошо у них дома. А если бы ей пришлось сидеть вот так одной? Ой, нет, нет!

Таня взбежала на своё крыльцо и застучала в дверь так нетерпеливо, будто неизвестно сколько времени не была дома.

– Чайников уроки сделал! – закричала она, будто все только и ждали этого известия.

Мать улыбнулась:

– Ну, раз Чайников сделал, о других беспокоиться нечего.

Но вот тут-то мать и ошиблась.

Утром, по дороге в школу, Таня начала окликать ребят из своей звёздочки:

– Митя, уроки сделал?

– Сделал! – прокричал в ответ Митя и помахал варежкой.

– Вальков, а ты сделал?

Федя Вальков ничего не ответил, только кивнул головой.

Таня успокоилась, повеселела.

– Ой!.. А я-то... – вдруг пролепетала Алёнка и даже остановилась. – Я забыла...

– Что забыла? – удивилась Таня. – Тетрадку?

– Нет, – жалобно ответила Алёнка, – примеры сделать забыла.

Таня тоже остановилась. Она смотрела на Алёнку сердитыми глазами и не знала, что делать: не то плакать, не то браниться. Разве могла она подумать, что Алёнка так их звёздочку подведёт!

– А потому, что мне было некогда, – начала оправдываться Алёнка, – а потому, что отец дрова рубил, а я таскала в поленницу, а потом меня мама учила чулок вязать. Всё время трудилась!

– Трудилась, как же! – со слезами сказала Таня. – С Дёмушкой до ночи в жохи играла!

– Мало ли что в жохи, – закричала Алёнка, – а всё равно трудилась! Октябрюта должны

трудиться! А ты вот и не трудишься ничего. А ещё командир!

– А уроки октябрята не должны делать, да?

Совсем поссорились подружки, пока шли в школу.

Но потом помирились: ведь октябрята должны хорошо с друзьями жить, крепко-накрепко дружить.

Танины дела

Помирились-то они помирились. Но Таня никак не могла забыть Алёнкиных слов, что Таня командир, а не трудится!

Таня пришла из школы, поскорей сделала уроки.

«А теперь буду трудиться, – подумала она. – Чего бы мне поделывать?»

Но только Таня убрала свои тетрадки, бабушка сказала ей:

– Подмети горницу, Таня, а я пока за водой схожу. Изба у нас не убрана. Мать – на молотилке с утра, дед – на конюшне, а я в риге была, лён сушила.

Таня взяла веник, намочила его. Подмела пол чисто, аккуратно, как её бабушка учила.

– Вот и всё. Теперь буду трудиться!

Но пол-то подмела, а половики на крыльце лежат не вытрясенные. Таня вытрясла их, расстелила на полу.

– Теперь всё. Теперь и потрудиться можно. Только вот как?

Тут пришла бабушка с водой. Она поставила тяжёлые вёдра на лавку и сказала:

– Танюшка, там куры всей стаей на меня набросились. Покорми их, пожалуйста!

Таня вышла во двор, созвала кур, дала им корму. И пока они клевали, стояла около них. Задиристых отгоняла, потому что они другим клевать не дают. А слабых и робких в сторонке из рук подкармливала, потому что им совсем мало достаётся корму.

В это время прибежала Алёнка. А следом за ней Митя.

– Таня, скорей собирайся! – закричали они оба сразу. – Ариша в лес зовёт рябину собирать.

Таня не стала спрашивать, зачем собирать рябину. Она поскорей отнесла миску домой, оделась и выбежала на улицу.

Оказалось, ребята-пионеры собрались идти за кормом для птиц, чтобы кормить их зимой. Настя Кузнецова сказала, чтобы маленьких ребятешек позвали, пускай тоже для птиц постараются.

Когда все собрались, Ариша спросила:

– Таня, а что же это наша звёздочка не вся здесь?

Таня посмотрела: Алёнка здесь, Митя здесь, Чайников здесь... А вот Федя Валькова нету. Что за человек такой ленивый!

– А мы вот как сделаем, – сказала Ариша, – в лес пойдём мимо их дома, ты забежишь и позовёшь его.

Ребята взяли с собой кто корзиночку, кто мешочек. Весело было идти всем вместе. Смеялись, пели, шалили. Ну как утерпеть – не потолкаться, не побегать вперегонки, не спрятать чью-нибудь корзинку!

Дёмушка тоже увязался за школьниками. А за ним и Ваня Берёзкин. А уж от них шалостей и озорства было больше всего.

Но пуще всех веселился Снежок. Он бегал, лаял, прыгал, хватал ребят за рукава. А когда кто-нибудь убегал вперёд, так он бросался догонять изо всех сил.

Таня не забыла про Федю и зашла за ним. Федя сидел на крыльце и что-то сколачивал из дощечек.

– Ты что же сидишь? – закричала Таня. – Тебя не звали разве?

– Звали, – нехотя ответил Федя.

– Ну, так вставай, пойдём!

– А чего идти-то? Я птиц зимой овсом кормить буду. Мамка даст.

Но Таня схватила его за руку и потащила с крыльца.

– Всегда ты один сидишь! Все октябрюта идут, а ты всё один! Пойдём, всё равно не отпущу!

– Ну ладно, – согласился Федя, – только кепку надену.

Лес был красивый, сквозистый. Сегодня ночью прошёлся по земле морозец, подобрал грязь на дорогах, вставил в лужи ледяные стёкла. До утра светились в небе крупные осенние звёзды. А утром выглянуло солнце, и денёк сложился ясный и чистый, с острым холодком.

Ариша объяснила ребятишкам, что надо собирать красную рябину, которая осталась на деревьях, ягоды калины и семена ясеня, которые жёлтыми кисточками висят на ветках, – эти семена очень любят снегири. Если попадётся репейник, то и репей годится, в нём тоже есть маленькие семечки. Зимой птицы за всё спасибо скажут.

Таня с Алёнкой нашли старую рябину. Листья с неё облетели, а кисти рябины – красные, прихваченные морозцем, ещё висели на ветках.

– Сразу полную корзинку набрали бы, – сказала Алёнка, – да разве достанешь!

– Митя! – закричала Таня. – Чайников! Бегите сюда!

– Зачем ты их зовёшь? – сказала Алёнка. – Ведь это мы нашли.

– Мы нашли, а они достанут, – ответила Таня. – Ты что, забыла? Они же в нашей звёздочке!

Чайников прибежал первым. Он сбросил кепку на землю, на жёлтые листья, и живо взобрался на рябину.

– Привык гнёзда разорять, вот и лазает... – проворчала Алёнка.

Но Гриша не слышал. Он рвал рябиновые гроздья и бросал Тане и Алёнке.

– Лови! – весело кричал он. – Вот обед, вот ужин, ещё обед, а вот ещё ужин!

Осенний день короткий. Не успели ребята оглянуться, а в овражках и в ельниках уже засинело.

– Домой, домой! – на весь лес запела Настя Кузнецова.

И Ариша подхватила:

– Ребятишки, домой, сидит волк под горой!

Много всякого добра набрали – и рябины, и калины, и ясеня, и репья... Всё снесли к Арише на крыльцо и разошлись по домам.

– Ну что, утомился? – сказала Таня Феде Валькову.

– Вот ещё! – ответил Федя и поглядел на Таню ясными глазами, будто только сейчас проснулся.

Ему сегодня было весело, он сыроежку нашёл, наверно, последнюю во всём лесу, калины набрал. И ребята не дразнились. А то всегда дразнят, что он неловкий, да неповоротливый, да соня-засоня. А если бы не дразнились, так он бы всегда с ними ходил.

Таня пришла домой, когда уже зажглись в избе огни. Бабушка собирала ужин.

– Вот и ещё день прошёл, – сказал дедушка, зевая.

«День прошёл, – подумала Таня, – а я опять ничего не потрудились».

И ей стало очень скучно. Наверно, она совсем плохой октябрёнок, всё потрудиться не успевает. А ещё командир!

Утром, придя в школу, Таня сразу побежала искать Аришу. Ариша – вожатая, она скажет, как быть Тане. Но, пока искала, прозвенел звонок. Таня задумчиво села за парту. Пришла Марья Васильевна, поздоровалась со своими учениками. И сразу заметила, что Таня сидит грустная.

– Ты почему, Таня, такая невесёлая? – спросила она. – Уж не заболела ли?

– Нет, не заболела, – хмуро ответила Таня, – а я не тружусь ничего. А ещё командир...

– Давай разберёмся, – сказала учительница. – Таня, подойди ко мне. И давайте все вместе подумаем, как помочь Таниному горю: ведь октябрята всегда должны помогать друг другу!

Все ребята сидели на своих местах. А Таня стояла среди класса, опустив голову, и не глядела ни на кого.

– Ну, так расскажи, Танюша, что же ты делаешь дома, если совсем не успеваешь трудиться?

– Ничего не делаю, – ответила Таня, – только пол подмету, да половики вытрясу, да кур накормлю, да уроки сделаю. А сегодня ещё за рябиной для птичек ходили. А трудиться совсем и некогда.

Марья Васильевна засмеялась и сказала:

– А как же тебе ещё надо трудиться? Может, комбайны водить или трактором управлять?

Каждому работа даётся по его силам. Пол подмести и кур покормить – это и есть твой труд. И уроки учить – это твой труд. А уроки ты учишь хорошо – значит, трудишься хорошо. Садись, Танюша, на своё место и не огорчайся.

Таня вернулась на свою парту весёлая. Пускай-ка теперь Алёнка скажет, что она совсем не трудится!

Чайников удивил всех

Сегодня учительница Марья Васильевна опять сказала Грише Чайникову:

– Гриша, когда же тебя подстригут?

– А ещё октябрёнок! – проворчала Алёнка.

И Таня, когда шли из школы домой, напомнила:

– Скажи маме, чтобы подстригла. А то всю нашу звёздочку портишь!

Гриша промолчал. Но про себя решил, что сегодня не отстанет от матери, пока она его не подстрижёт.

На его счастье, мать была дома. Она сидела за столом и что-то шила.

– Достань кашу из печки, – сказала она, не отрываясь от своего шитья, – молоко на шестке.

Но Гриша бросил на лавку сумку с книгами, быстро разделся, взял ножницы и подошёл к матери.

– Давай остриги!

– Подожди ты, – отмахнулась мать, – не мешай. Видишь, какой я костюм шью?

Мать посмотрела на Гришу чёрными, как вишни, глазами, провела рукой по его вихрам:

– В клубе выступать буду – слышал или нет?

– Ну, слышал, – сказал Гриша. – Только всё равно остриги!

– Ну, вот ты какой! – упрекнула его мать. – Я спешу, а ты со своими ножницами. Ступай, ешь кашу. Завтра остригу.

И опять принялась шить, пришивать красные ленты к синей юбке.

– Ну ладно, – сказал Гриша, – только чтобы утром!

– Утром, сынок, утром.

Но утром, когда Гриша проснулся, матери уже не было дома. Гриша бросился к окну – может, за водой пошла? Выглянул из сеней во двор – может, корову доит?

Нигде нет матери. Вёдра полны воды. Молоко уже в кринках, процежено. А самой и след простыл.

Гриша чуть не заплакал от горя и досады. Что же ему теперь делать, опять в школу косматым

идти? А вот возьмёт да сам и острижётся!

Гриша схватил ножницы и принялся стричь свои белобрысые вихры. И чего это он всё ждал, когда его мать подстрижёт, почему раньше не догадался?

Гриша остригся, стряхнул волосы и бодро пошёл в школу.

Он шёл очень весёлый. Пускай теперь его кто-нибудь подразнит: косматый да лохматый. А он придёт в школу, снимет шапку – а вот и стриженный!

Но когда Гриша пришёл в школу да снял шапку, то все почему-то начали хохотать. Один большой парень из седьмого провёл рукой по Гришиной голове:

– Ах ты! Вот гладко подстригся-то!

Засмеялась и уборщица тётя Нюра:

– Это в какой же ты парикмахерской, Чайников, стригся? Не иначе, в район ездил!

Гриша не знал, что и делать. Он сердито отвернулся и пошёл в свой класс.

Но едва вошёл в класс, и тут все засмеялись. А Таня просто руками всплеснула:

– Ой, Чайников! Ну на кого ты похож только! Уж лучше бы вовсе не стригся.

Таня выскочила из класса и побежала искать Аришу Родионову.

Ариша сидела в пионерской комнате и что-то раскрашивала цветными карандашами. Она очень старалась, видно, боялась испортить, и не сразу заметила, что Таня чуть не плачет.

– Смотри, какая картиночка! – сказала Ариша. – Дед Мороз идёт с ёлкой, а на ёлке сосульки... А здесь будут цветы и солнышко. Это я для вашего класса календарь погоды делаю.

Но Тане было не до картинки.

– Ариша, пойдём скорее. Пойди на Чайникова погляди. Теперь из-за него наша звёздочка позади останется!

Ариша наскоро сложила карандаши, и они вместе с Таней побежали в первый класс.

Чайников сидел на своей парте. Он нагнулся, закрыл обеими руками голову и ни на кого не глядел. Ариша подошла к нему:

– Что с тобой, Гриша?

Чайников не поднял головы:

– Ничего!

А сам думал: «Может, мне домой убежать?»

Но тут прозвенел звонок, и вошла Марья Васильевна. Она сразу во всем разобралась.

– Ариша, ты ступай в свой класс. А ты, Гриша, не горюй. Причёска у тебя получилась не очень удачная. Но это не беда, в перемену я сама тебя подстригу.

А когда наступила перемена, Марья Васильевна достала из стола ножницы и остригла Гришу. Хорошо остригла. Гладенько. Чайников сразу повеселел. Он ходил по всей школе и всё гладил руками свою круглую стриженую голову.

И вся Танина звёздочка повеселела. Теперь у них тоже неопрятных нет.

Снегопад

– Снег выпал, – сказала бабушка, поглядев в окно, – зима пришла.

– Пора, – сказал дед, – земле одеяло нужно.

Было ещё очень рано, утро только занималось. За окном неподвижно висели белые, запушённые снегом берёзовые ветки.

Бабушка ломала сухую лучину: собиралась топить печку. Дедушка одевался: ему до завтрака надо на скотный. Мать встала тихонько и тоже начала одеваться: в избе всяких дел много, а после завтрака – сразу на работу.

Лишь Таня сладко спала в своей тёплой постели.

Но бабушка брякнула ухватом, и Таня проснулась. Ей бросилось в глаза, что в горнице как-то очень светло.

«Проспала!» – подумала Таня и вскочила с постели.

– Ты что вскочила? – спросила мать. – Испугалась чего-то?

– Я в школу опаздываю! – закричала Таня.

Мать улыбнулась:

– Ещё рано. Сегодня утро такое – светло от снега. Посмотри-ка, что на улице-то!

Таня подбежала к окну. Кругом всё белое: и земля, и крыши, и деревья. Солнце только встаёт, и там, где протянулись его косые лучи, снег стал совсем розовым. И дымки над крышами розовые. И на заснеженных берёзовых ветках розовые искорки горят.

– Зима! – Таня засмеялась от радости. – Вот теперь с горки покатаемся! В снежки поиграем!

На низкую изгородь спустилась сорока. Красивая, чистая, в чёрной шубке, в белом фартучке. Села и начала стрекотать – видно, ей тоже понравилось, что снег выпал. Но тут из своей конуры выскочил Снежок и с лаем бросился ловить сороку. Сорока уже давно улетела, а Снежок всё бегал по снегу и звонко лаял – ему-то, конечно, нравилось, что кончились дождь да слякоть. А зимний мороз Снежку не страшен – вон у него шуба-то какая!

Таня стояла у окна и смеялась, глядя, как её лохматый пёс прыгает по свежему пушистому снегу. А потом немножко затревожилась.

– Ой, бабушка, – сказала она, – сколько снегу-то! И как только мы в школу пойдём? Все увязнем.

И ни за что не дойти бы ребятишкам до школы, – столько снегу навалило за ночь! Но председатель сказал Таниному дедушке, чтобы запряг лошадь в большие сани-розвальни и отвёз их. Большие ребята не стали дожидаться лошади, пошли пешком. А маленькие ребята все своей гурьбой забрались в сани со своими сумками и ранцами.

Дедушка запряг самого сильного жеребца, Весёлого.

– Ему тоже пробежаться полезно, – сказал дедушка, – а то стоит в стойле, со скуки пропадает!

Жеребец побежал было рысью, да скоро приостановился: тяжело ему бежать по рыхлому снегу. А ребята сидели в санях, держались друг за друга и смеялись. Весело было ехать всем вместе по снежной дороге!

В большую перемену Ариша Родионова выбежала со своими ребятами-октябрятами на улицу поиграть в снежки. Кинула два-три снежка, сразу покраснелась. Но потом поглядела вокруг: на белую улицу, на белые крыши, на белые деревья – и призадумалась. Снежки летели в Аришу со всех сторон, но она будто не замечала.

– Послушайте, ребяташки, что я думаю, – сказала она. – Видите, сколько снегу-то навалило? Всё закрыло кругом – и землю и деревья. В такую снежную зиму птицам очень плохо: им совсем негде добывать корм. Птицы на нас с весны до осени работают – всяких жуков, личинок истребляют, берегут наши сады. Значит, и мы должны им помочь в трудное время, им нужны кормушки.

– Да ведь у нас есть кормушки около школы! – сказал Митя Колечкин.

– И корму каждый день даём, – добавила Таня.

– Птиц много, а кормушек мало, – ответила Ариша, – вот если бы у всех дворов кормушки были! Чтобы у каждого пионера и у каждого октябрёнка дома своя кормушка была... Побегу Насте скажу!

Насте Кузнецовой очень понравилось Аришино предложение. Она в этот же день после уроков собрала всех октябрат и всех октябрятских вожатых. Собрание продолжалось ровно десять минут. А что долго разговаривать? Вопрос ясный: зима круто завернула, птицы в беде, а друзей в беде оставлять нельзя.

Когда ребята шли из школы домой, то у них только и разговору было что о кормушках.

– Я живо кормушку сделаю, – сказал Митя Колечкин, – это мне недолго!

– И я сделаю! – закричал Гриша Чайников. – Я что, гвоздя не сумею забить, что ли?

– А мне дедушка сделает, – сказала Таня.

– А мне отец, – сказала Алёнка.

– Федя, а ты чего молчишь? – спросила Таня. – Тебе кто кормушку сделает?

– Я сам сделаю, – ответил Федя.

– Ну да! Сделает! – засмеялась Алёнка. – Такой ленивый!

– Может, к весне соберётся, – подхватил и Митя. – Уж сказал бы – ребят попрошу!

– Я сам сделаю, – повторил Федя.

Таня, как только пришла домой, ещё с порога закричала:

– Дедушка, дедушка, надо кормушку птицам делать!

– Чего ты кричишь? – остановила её бабушка. – Деда дома нет. В район уехал.

– Уехал? – Таня чуть не заплакала. – А когда же приедет?

– На собрание уехал. Всех животноводов позвали на собрание. Приедет поздно, а то, может, и заночует в районе.

– А как же моя кормушка? Тогда, бабушка, давай с тобой сделаем кормушку!

Но бабушка только отмахнулась:

– Не умею я никакие ваши кормушки делать. Дед приедет завтра, так и сделает.

«Завтра!» Все ребята сегодня будут делать, а мне до завтра ждать! А я же командир!

Таня бросила сумку с книгами и выбежала на улицу. Бабушка достала чугунок из печки, хотела Тане налить супу. Оглянулась, а Тани уже и след простыл.

– Вот беспокойный-то командир! – сказала бабушка и поставила чугунок обратно.

А Таня побежала к Алёнке. Может, Алёнкин отец и Тане кормушку сделает? Но Алёнка сама бежала ей навстречу.

– Отец с дровами на станцию поехал! Пускай твой дедушка и мне кормушку подвесит!

– Да, дедушка! – только и смогла сказать Таня.

Тут к ним подошёл Дёмушка:

– А я бы какую хочешь кормушку сделал!

Но Алёнка отмахнулась от него:

– Ты сделал бы! Ложку и то в руке держать не умеешь. Сейчас обедал, так облился весь.

– А пойдём к нашим ребятам! – сказала Таня. – Может, они и нам сделают?

Таня и Алёнка пошли к Мите Колечкину. Дёмушка – за ними. Снежок тоже. Так все и отправились.

Но Мити Колечкина дома не оказалось.

– Он к Чайниковым пошёл, – сказала старшая Митина сестра.

Таня и Алёнка пошли к Чайниковым. Дёмушка опять за ними. А позади всех – Снежок.

Но и у Чайниковых ребят не оказалось. И совсем никого у них не было дома, дверь на замке, а ключ около двери на гвоздике.

– Куда же они пошли? – сказала Алёнка. – Давай следы посмотрим!

Но в это время пошёл снег. Такой крупный, густой пошёл снег, что словно завесило всё кругом: и неба не видно, и деревьев не видно. И дороги тоже не видно, сразу застлало её пушистой белизной. Как-то всё притихло в деревне, и в полях за деревней тоже притихло.

– Вот так снег! – сказала Таня и остановилась.

– Пойдёмте домой, – позвала присмирившая Алёнка, – а то нас тут снегом занесёт!

Снежок тоже присмирел. Он стоял возле Тани, смотрел на неё и словно спрашивал:

«Ну, чего ж ты стоишь? Домой надо!»

Но Таня сказала:

– А что нам домой бежать? Не в поле, не заблудимся. Пошли к Феде Валькову – наверно, ребята давно уже там!

Таня не ошиблась: и Митя, и Гриша Чайников были давно у Валькова. А у Феде уже кормушка на берёзе висит. Она висит на сучке, на четырёх верёвочках. А одна верёвочка спущена вниз, на крыльцо, за перильце привязана. Отвяжешь её – кормушка спустится. Потянешь – кормушка поднимется.

– Ой как хорошо сделали! – сказала Таня. – А у нас дедушка в район уехал!

– Чайников, это ты сделал? – спросила Алёнка.

– Как бы не я, – хмуро ответил Гриша, – у меня чего-то не получается.

Таня взглянула на Митю: значит, он? Но Митя стоял, молчал и глядел куда-то в сторону.

Тогда Таня оглянулась на Федю:

– Отец тебе сделал, да?

А Федя ответил:

– Я сам сделал.

– Ты сам? – удивилась Алёнка.

А Федя спокойно повторил:

– Сам. Давай и тебе сделаю.

– Ну вот, я же говорила, что Федя не ленивый, – обрадовалась Таня, – он только не смелый! Ребята, давайте все вместе кормушки делать! И Мите, и Грише, и Алёнке, и мне. Федя будет показывать и помогать. А мы делать!

– Давайте! – согласился Гриша. – Пускай Федя показывает.

Ребята так и сделали – принялись за работу все вместе.

Не прошло и двух дней, а у всех октябрят из Таниной звёздочки уже висели во дворах птичьи кормушки. Кое-где Танин дедушка помог. Кое-что Ариша Родионова подсказала.

И мало того. Повесили кормушки и ребятишкам из других звёздочек, которые жили по соседству. Правда, Алёнка и Митя не хотели делать кормушки другим ребятам:

– Пускай у них кормушек не будет. Зато наша звёздочка станет лучше всех!

Но Таня сказала:

– А разве мы из-за этого кормушки делаем? Ведь мы кормушки делаем потому, что снег кругом, а птицам есть нечего!

Птицы говорят спасибо

Уходя утром в школу, Таня всегда говорила бабушке:

– Бабушка, будешь кур кормить – положи и птичкам немножко. Ладно, бабушка?

– Да уж положу, положу, – отвечала бабушка, – беги в школу-то, беспокойный ты командир!

А когда Таня приходила из школы, то собирала всякий корм для птичек – крошки со стола, варёную картофелину, кусочек мяса, если у кого остался, или каши. А потом добавляла рябины, ясеневых семян, которые они осенью принесли из лесу. И всё это несла в птичью кормушку. Никогда не забывала покормить птиц.

Сегодня воскресенье, в школу идти не нужно. Сегодня Таня пошла сама кормить кур. А заодно и птиц.

Стоял тихий снежный денёк. Солнце брело где-то за светло-серыми облаками, которые тянулись по небу, словно мягкие льняные волокна. Солнце подкрашивало их розовым светом и просеивалось сквозь них на чистые сугробы, на деревья, покрытые инеем.

Таня накормила кур. Положила корму в птичью кормушку. А потом остановилась около палисадника, о чём-то задумалась, и сама не знала о чём.

Вдруг тоненький голосок раздался среди мягкой белой тишины:

«Пинь-пинь!..»

Таня встрепенулась: кто это у неё сегодня будет в гостях?

Она тихонько подошла поближе, спряталась за большую берёзу и стала глядеть.

Гостей оказалось много. Были тут и синички, и воробьи, и тупоносые снегири в красных рубашках... Снег на деревьях птицам хуже всего: ни ягод, ни семян на ветках не найдёшь.

«А сколько ещё их, бедных, летает по лесу! – подумала Таня. – Ничего найти не могут. И не знают, что у нас для них кормушки есть. И что из рогаток в них никто не стреляет. Ой, а кто же это ещё прилетел?»

На кормушку опустилась какая-то совсем незнакомая птица. Она была нарядная, пёрышки на груди и на крыльях красноватые, а на голове – пушистый хохолок. Птичка опасливо поглядела в одну сторону, в другую – видно, боялась, как бы не появился откуда человек.

А человек в это время стоял за берёзой и глядел на неё. Но птичка не видела Таню. Она оглянулась ещё разок и принялась вместе с другими клевать корм.

Таня затаила дыхание. И всё тянулась потихоньку из-за берёзы – ей хотелось поближе разглядеть эту хохлатую птицу.

Вдруг, откуда ни возьмись, в палисадник вбежал Снежок. Он бросился к Тане и залаял от радости. Да так звонко залаял, что все птицы с кормушки взвились разом и улетели.

– Кто тебя звал сюда? – закричала на Снежка Таня. – Видишь, что наделал?

Снежок вяло завил хвостом и поглядел на Таню: ну, а что он сделал плохого? Он ведь просто обрадовался!

Тане стало жалко Снежка. И так уж она его совсем забросила. Раньше Снежок всегда ходил с ней вместе – и в поле, и на луг, и на речку. А как стала Таня учиться в школе, так Снежок всё один да один. Таня погладила его.

– Ну ладно. Пойдём к ребятам на гору. Только вот птичку с хохолком не дал разглядеть!

Снежок снова повеселел. Лохматый хвост его закрутился кольцом. Снежок принялся прыгать и хватать Таню за рукава, за варежки. Таня взяла салазки, выбежала на улицу, Снежок – за ней: ну всё, как раньше, когда Таня не ходила в школу. Он прыгал вокруг Тани, убегал вперёд, а потом изо всех сил мчался обратно и всё заглядывал ей в глаза, словно спрашивал: «А куда мы идём? А в какую сторону мне мчаться?»

Таня зашла за Алёнкой, и они отправились на гору, Снежок теперь понял, куда они идут, и помчался по белой дороге.

На горе было шумно, весело. Сколько есть в колхозе ребят, все, видно, собрались здесь. Санки мчались одни за другими с крутой горбатой горы, ребята кричали, смеялись, а некоторые визжали от страха. Лёд на горе так блестел на солнце, что глазам было больно.

Таня и Алёнка подошли к горе и остановились.

– Ух, как раскатали! – сказала Алёнка. – Один лёд.

– Что, забоялись? – крикнул им Юрка председателев. – Эх вы, пичужки!

– «Пичужки!» – обиделась Таня. – А сам и вовсе весь в снегу!

– Стоят, боятся! – крикнул Дёмушка. – Да им санками не управить!

– Зато ты управил, – засмеялась Алёнка, – только что из сугроба вылез!

– Во, как Зеленин помчался! – сказал Юрка. – Сейчас и я так же! Э-гей!

Он бросился в свои санки и полетел с горы.

– Я тоже! – сказал Дёмушка. – Э-гей!

Он поправил шапку и так же, как Юрка, бросился в санки и помчался вниз.

– А вы что же? – крикнула Тане Ариша Родионова. – Глядите, как я буду санками править, и вы так же!

И Ариша понеслась вслед за Дёмушкой.

– Давай и мы! – решила Таня. – Алёнка, садись!

Ух, как ринулись санки с ледяного бугра! Снежная пыль била в лицо, сердце замирало. Кусты по сторонам летели вверх, на гору. А ракиты, что в овраге, над речкой, мчались навстречу. Теперь править, править надо, чтобы санки к речке не проскочили!..

Но куда там, к речке! Санки вдруг свернули да прямо в сугроб. Таня и Алёнка оказались в снегу. Они подняли головы и поглядели друг на друга. А потом засмеялись и начали выбираться из сугроба. Но тут подскочил к ним Снежок, начал играть с ними и никак не давал встать и отряхнуться.

Еле-еле выбрались подружки на гору. Поехали снова – и опять в сугроб, на потеху ребятам!

Но зато в третий раз наловчились править. Доехали до самой речки и остановились под ракитами. Вот попробуй, подразни-ка их теперь!

Долго катались ребяташки с горы. Щёки у всех стали красные и руки красные – в варежках жарко!

А глупый Снежок совсем запыхался. Он ни за что не хотел отстать от Тани и Алёнки. Подружки с горы – и он за ними мчится! Они санки на гору тащат – и он рядом плетётся, высунув язык. Да ведь и то сказать – неужели ему в такой день в конуре одному сидеть?

Таня пришла домой, когда уже стемнело и в избах зажглись огни.

Мать, как увидела Таню, так и всплеснула руками:

– Ох, дочка, на кого же ты похожа! И вся-то ты в снегу, и варежки хоть выжми. Наверно, и в валенках вода хлюпает!

– Раздевайся живо! – прикрикнула на Таню бабушка. – Снимай валенки да на печку!

Таня не спорила. Варежки и правда были совсем мокрые, а в валенках и в самом деле вода хлюпала. Она живо разделась, пальто повесила на свой гвоздик, который для неё прибил дедушка. Валенки поставила на печку. И сама туда же забралась.

– Смотри не засни там, – сказала мать, – а то ужин проспичь.

– Во сне поужинает, – отозвался дед.

Сон тотчас начал одолевать Таню. Ласковое тепло сразу охватило её, глаза начали закрываться. Всё ещё мелькали перед глазами санки, снег, ребячьи лица, ракиты, Снежок... Слышались голоса. Но постепенно эти голоса становились всё тише, удалялись куда-то. И вот уже Таня стоит в белом палисаднике, а на её птичьей кормушке сидит птичка с красноватым хохолком и поёт тоненьким голосом...

Но это не птичка пела. Это пел на столе самовар, пел-распевал и пускал пар под потолок. И мать звала Таню:

– Вставай ужинать!

Таня слезла с печки.

– Дедушка, – спросила она, – а какая это птичка сегодня ко мне прилетала? Красненькая с хохолком?

– Я её видел, – ответил дед. – Это свиристель. Видно, совсем голодно в лесу, коли в деревню прилетела.

И, немного погодя, дедушка сказал:

– Это хорошо, товарищ командир, что твои октябрюта кормушки поразвесили. Посмотрел я сегодня, как у тебя птицы обедали. Поели они, а потом сидели на ветках и всё щебетали что-то. Наверно, говорили тебе спасибо. Не иначе!

Вот и каникулы

И как это быстро пролетело время! Кажется, что зима совсем недавно наступила, а уже и Новый год на дворе.

Когда Таня была маленькая, она всё хотела увидеть – как это Новый год приходит? Даже на улицу выходила поглядеть, не идёт ли Новый год по дороге. Вот какая она тогда была смешная.

И как же плакала тогда Таня, что ребята-школьники не взяли её в школу на ёлку.

А нынче – вот она, эта ёлка, стоит разукрашенная посреди большого класса. И Таня с Алёнкой вместе со всеми октябрятами ходят вокруг ёлки и поют песню:

– В лесу родилась ёлочка,

В лесу она росла.

Зимой и летом стройная,

Зелёная была.

Таня пела песенку, а сама глаз не могла отвести от ёлки. Сколько на ней разных игрушек! Тут и рыбки, и слоники, и звёзды, и снегурочки... А какие шары – они словно светятся своим светом – жёлтые, красные, зелёные. А бусы переплетались на зелёных ветках, словно радужные пузырьки, и каждая бусинка сияет и сверкает. А какая звезда горит на верхушке! Словно красный огонёк, у которого пять лучиков.

Ребята пели, плясали, читали стихи. Таня тоже выступала. Они с Федей Вальковым разучили басню Крылова «Стрекоза и Муравей». Ариша нарядила Таню Стрекозой, прицепила ей зелёные крылья из прозрачной бумаги. А Феде сделала из картонки чёрный панцирь. Но, когда подошла очередь выступать, Федя пропал.

Ариша рассердилась:

– Вот какой недисциплинированный человек этот Федя Вальков! А ещё октябрёнок!

Но Таня вступилась за Федю:

– Он дис... он диспли... Ну, он хороший, только несмелый. Он просто от страха куда-нибудь спрятался!

Все стали искать Федю. А он и в самом деле спрятался. Забился в угол за шкаф и стоит там с чёрным муравьиным панцирем на спине.

– Смотрите, вот он! – закричал Митя. – Будто и правда муравей какой, стоит притаился!

Марья Васильевна подошла к Феде, взяла его за руку и подвела к ёлке.

– Ты же очень хороший ученик, Федя, – ласково сказала она, – и октябрёнок ты хороший, и голос у тебя звонкий, чего же ты спрятался?

Федя стоял весь красный от смущения и не знал, что ему делать. Но тут выручила Таня. Она стала рядом с Федей и громко начала:

– Попрыгунья Стрекоза

Лето красное пропела;

Оглянуться не успела,

Как зима катит в глаза.

Федя вторил ей чуть слышным голосом, только что губами шевелил. А когда в самом конце ему пришлось отвечать Стрекозе, так он еле прошептал:

– Ты всё пела? Это дело:

Так поди же, попляши!

– Громче! – закричали ребята, которые стояли сзади. – Не слышать ничего!

Федя перевёл дух и повторил звонко и отчётливо, так, что всем стало слышно:

– Ты всё пела? Это дело:

Так поди же, попляши!

Тут все засмеялись и весело захлопали Тане и Феде. Федя улыбнулся, а Таня засмеялась:

– Ну вот, а ты всё боялся!

Как будто сама-то она нисколечко не боялась!

В каникулы каждый день – праздник. Что хочешь, то и делай. Можно и с горы покататься, и в снежки с ребятами поиграть, и радио послушать, и книжку почитать!

Таня думала, что если ей в школу не ходить, так и времени девать будет некуда. Но оказалось, что его и теперь не хватает. Денёк пробежит – не увидишь как.

Кажется, давно ли утро заголубело в окнах и солнце засверкало искорками на сугробах? А вот уж и сумерки бредут, и фонари зажглись на улицах.

Эти каникулы были особенно весёлыми. Наверно, потому они были весёлыми, что все ребята-октябрята очень подружались, играли все вместе и на санках с горы катались вместе.

И наверно, ещё потому было так весело, что старшие ребята, школьники-пионеры, тоже не забывали про маленьких. Они играли в «гори-гори ясно» и в другие игры и всех маленьких в игру принимали.

Но вот и каникулы кончились. Завтра в школу.

Таня с вечера уложила свою школьную сумку и пришила чистый воротничок к своему коричневому платью.

– Что, не хочется небось в школу-то? – сказала бабушка. – Привыкла гулять.

Хочется или не хочется? Таня задумалась на минутку. И улыбнулась:

– Хочется!

Ей и правда уже хотелось в школу. Она соскучилась по своему классу. И по Марье Васильевне соскучилась. Да, пожалуй, и по урокам тоже – ведь учиться не так уж трудно, если быть внимательной!

Весело, с песнями отправились ребята на другой день в школу. Отдохнули за эти дни, набегались, наигрались. За парту пора.

Всех дружней, всех веселей шли ребята из Таниной звёздочки. Все умытые, причёсанные, с чистыми воротничками. Даже у Гриши Чайникова был чистый воротничок и руки чистые.

В этот день грустным был только Снежок. Он стоял и глядел, как уходили ребята. Не на гору, не в лес, не в клуб они уходили. А уходили в школу. Уходили по той дороге, куда Снежку бегать за ними не велено.

– Ну, чего загоревал? – сказал дед, проходя мимо. – Придёт твоя хозяйка. Что, у тебя и дел больше нет, как только за ней бегать?

Снежок посмотрел на деда, замахал хвостом и тотчас увязался за ним, на скотный. Снежок не терпел одиночества!